

**АЛЬБОМ Д. С. ЛЕВИНА
КАК ЭЛЕМЕНТ ЛИТЕРАТУРНОГО БЫТА
ПЕТРОГРАДА
В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ**

(Публикация Д. М. Климовой)

*Светлой памяти
Юрия Давидовича Левина*

Обширное альбомное собрание Пушкинского Дома сравнительно недавно (в 2002 г.) пополнилось еще одним экземпляром, содержащим малоизученные и вовсе не известные автографы выдающихся литераторов начала XX в.

Альбом Давида Самуиловича Левина (записи в нем относятся в 1919—1925 гг.) по содержанию и составу авторов непосредственно при-мыкает, а по времени предваряет альбомы В. А. Сутугиной и Р. В. Руры (1920—1921 гг.) с их шуточными текстами, созданными в далеко не шуточных обстоятельствах в голодном и холодном Петрограде эпохи военного коммунизма. В известной мере в них отразились личные взаимоотношения, быт и творческая жизнь сотрудников знаменитого издательства «Всемирная литература», основанного Максимом Горьким, действовавшего с 1918 по 1924 г. и сосредоточившего в себе лучшие силы литературного Петрограда.¹

¹ Подробнее об этом см.: Из литературного быта Петрограда начала 1920-х годов: (Альбомы В. А. Сутугиной и Р. В. Руры) / Публикация Т. А. Кукушкиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 341—402 (далее в тексте: Ежегодник 2002). Там же приведен подробный список работ, посвященных издательству «Всемирная литература», данные о жизни и творчестве его сотрудников, опубликован широкий круг архивных документов о положении петроградской интеллигенции и подробностях литературного быта той поры.

В списке деятелей «Всемирной литературы» находим блестящие имена поэтов, прозаиков, критиков, литературоведов, историков, художников. В их числе и те, кто заполнял альбом Д. С. Левина: Н. О. Лернер, Н. С. Гумилев, А. А. Блок, К. И. Чуковский, Ю. П. Анненков, А. Л. Волынский, Н. А. Оцуп, Ф. Сологуб, А. В. Амфитеатров, Е. И. Замятин, М. А. Кузмин, В. А. Рождественский, Ф. Д. Батюшков, В. К. Шилейко. Большинство из них входило в Коллегию экспертов, осуществлявшую научное руководство издательством.

Совместными усилиями коллектив издательства должен был осуществить грандиозный замысел — новый перевод и издание самых выдающихся произведений мировой литературы. За шесть лет существования издательства удалось выполнить лишь малую часть задачи, но выпущенные книги и заложенные в них эдичионные принципы — общий тип научного издания, структура отдельного тома, профессиональное редактирование — актуальны и по сей день. Видный сотрудник «Всемирной литературы» Е. И. Замятин позднее так отозвался об этой деятельности Горького: «Писатель Горький был принесен в жертву: на несколько лет он превратился в какого-то неофициального министра культуры, организатора общественных работ для выбитой из колеи, голодающей интеллигенции. Эти работы походили на сооружение Вавилонской башни, они были рассчитаны на десятки лет: издательство „Всемирная литература“ — для издания в русском переводе классиков всех времен и всех народов; „Комитет исторических пьес“ — для театрализации не больше не меньше как всех главнейших событий мировой истории; „Дом Искусств“ — для объединения деятелей всех искусств; „Дом Ученых“ — для объединения всех ученых... В столице, где тогда уже не было хлеба, света, трамваев, в атмосфере разрушения и катастрофы — эти затеи показались в лучшем случае утопическими. Но Горький в них верил («надо верить») — и своей верой сумел заразить скептических петербуржцев: ученые академики, поэты, профессора, переводчики, драматурги — начали работать в созданных Горьким учреждениях, увлекаясь все больше».² Нельзя не отметить, однако, что оптимизм по отношению к деятельности «Всемирной литературы» обрели далеко не все ее сотрудники. Так, А. В. Амфитеатров в одной из своих эмигрантских работ дал весьма нелестную оценку всем культурно-просветительским начинаниям Горького.³

На всем протяжении существования этих горьковских предприятий не последней задачей была также и материальная поддержка творче-

² Замятин Е. Избранные произведения. М., 1990. С. 472.

³ См.: Амфитеатров А. В. Жизнь человека, неудобного для себя и для многих. М., 2004. Т. 1. С. 212 (далее в тексте: Жизнь человека...).

ской интеллигенции, снабжавшейся тогда по низшей категории как «элемент нетрудящийся» (согласно постановлению Петросовета от 29 мая 1918 г.) и существовавшей впроголодь.⁴

В августе 1919 г. в Совнархоз обратилось руководство только что созданного Всероссийского союза писателей: «Прошлую зиму петроградские литераторы провели в бытовых условиях, почти парализовавших возможность работы. Смертность среди литераторов, как неоднократно указывалось высшим властям представителями литературных организаций, достигла небывалого процента» (цит. по: Ежегодник 2002. С. 347).

Среди бытовых нужд самыми насущными, помимо скудного пайка и керосина для освещения, были, конечно, дрова. Это роковое слово постоянно звучит в дневниковых записях и деловых документах того времени, не забыто оно и в мемуарах.

Лекции в многочисленных петроградских учреждениях читали «почти никогда не снимая шубы, так холодно было в нетопленных аудиториях. Пар валит изо рта, руки синеют <...>. Температура в квартирах держалась неделями только на два-три градуса выше нуля, печки топили книгами и стульями, вода в водопроводах замерзала».⁵ В 1919 г. многие деятели искусств стали переселяться из своих квартир во вновь организованный Дом Искусств, открытый в бывшем особняке Елисеевых на Невском проспекте, «где легче было переносить лишения, заставлявшие петербуржцев думать прежде всего о дровах и о пропитании» (Океан времени. С. 581). В шуточном протоколе открытия Дома А. А. Блок не преминул упомянуть о желании «теплого угла для холодеющих литераторов».⁶ Председательствующий на открытии В. И. Немирович-Данченко на вопрос: «Холодно у вас?» — ответил: «Да, три градуса. Но я пишу об Африке и об Испании и согреваюсь».⁷

Стоит привести полностью любопытный документ — анкету, распространенную среди литераторов за подписью «заведывающий Домом Искусств Н. Волковыский» от 19 декабря 1921 г.:

«Управление „Домом Искусств“ просит Вас не отказывать ему в незамедлительном любезном ответе на следующие вопросы:

⁴ См. об этом: Кукушкина Т. А. «Всеобъемлющей и широко гостеприимный...» Дом литераторов (1918—1922) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 77—95. Там же — ссылки на печатные работы и архивные материалы, посвященные литературным объединениям первых лет Советской власти.

⁵ Оцуп Н. Океан времени. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 515, 519 (далее в тексте: Океан времени).

⁶ Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1979. С. 247; 2-е, доп. изд. М., 1999 (далее в тексте: Чукоккала 1979, 1999).

⁷ Чуковский К. Дневник. 1901—1929. М., 1991. С. 127 (далее в тексте: Дневник).

1) Сколько вязанок дров в неделю отпускается Вам и членам Вашей семьи из складов „Дома Искусств“.

2) Имеете ли Вы материальную возможность оплачивать эти дрова и доставку их Вам из расчета 55 000 рублей за вязанку.

Если не имеете возможности оплачивать полностью, то представляется ли для Вас возможным оплачивать полученные Вами дрова в половинном размере.

При ответе на 2-й вопрос Управление просит Вас иметь в виду крайне тяжелое финансовое положение Дома, вызвавшее постановку этого вопроса. Не откажите написать ответ на бланке настоящего письма и сдать его в канцелярию „Дома Искусств“ не позже 2-х часов дня в среду 21 декабря с. г.».

В. Б. Шкловский на второй вопрос ответил категорически: «Могу. Но выгодней на рынке», — на что последовала резолюция: «Отменить. Н. В.». М. С. Шагинян рассуждала так: «1. Члены моей семьи — 1 связка в 10 (или 14) дней. Мне — две связки в неделю. 2. В январе могу дать ответ, т. к. выясню свое финансовое положение. Сейчас же оно так неопределенно, что я не могу гарантировать *постоянной* оплаты. *МВ*: *Вязанка* — это одна мера, *связка* — другая. Вязанку в один раз никогда не приносят, т. к. ее одному человеку не снести. Какую же меру имеет в виду анкета?». Художник В. А. Милашевский указал на другие обстоятельства: «1. Я получаю десять двухчетвертных поленьев в неделю, причем каждое полено составляет $1/4$ — $1/5$ четвертного или 6-вершкового в диаметре ствола. Весит каждое полено *сырое* не более 2-х фунтов. 2. Считаю, что по рыночным ценам это количество дров стоит 10 тысяч. Если мне будут давать больше, я буду больше платить». Резолюция: «По соглашению на оплату. Н. В.».⁸

Заботы об отоплении не обошли и администрацию «Всемирной литературы».

Ответственным за снабжение сотрудников продовольствием и топливом был молодой заведующий хозяйственно-техническим отделом Давид Самуилович Левин (1891—1928). К тому времени за спиной 28-летнего Левина осталось студенчество в Германии, участие в первой мировой войне, контузия, после демобилизации — служба в редакции газеты «Новая жизнь», откуда в 1919 г. он перешел в издательство «Всемирная литература» по приглашению Горького.

Сохранилось первое служебное удостоверение, относящееся ко времени его работы в этом издательстве:

⁸ РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, № 31, л. 2 об.—4 об. Благодарю Т. А. Кукушкину за указание на эти материалы.

Российская Социалистическая
Федеративная
Республика.

Народный комиссариат
по Просвещению.

Удостоверение № 2343

Предъявитель сего Левин, Давид Самуилович состоит на Советской службе в Народном Комиссариате по Просвещению.

Личность и Подпись Удостоверяю.

Чл<ен> Кол<легии> Нар<одного> Ком<иссариата> по Прос<вещению>

З. Гринберг

Настоящее удостоверение имеет силу до 1 января 1919 г.

Выдано октября мес. 28 дня 1918 г.

Срок настоящего удостоверения продолжен до 1 мая 1919 года.⁹

После закрытия «Всемирной литературы» Давид Самуилович возглавил северо-западное отделение издательства «Гудок» и редакцию журнала «Смехач».

С первых и до последних дней службы в горьковском издательстве основной его заботой было обеспечение «всемирных литераторов» продовольствием и топливом. Второй характерный для того времени документ, сохранившийся в архиве Левина, гласит:

Издательство

Всемирная Литература

Государственное Издательство

Петербург, Моховая 36, Тел. 479-52, 73-32, 51-10. Тел. редактора 113-65.

№ 2339

Июня 22-го дня 1921 г.

Удостоверение.

Настоящим Издательство «Всемирная Литература» — Государственное Издательство, удостоверяет, что предъявитель сего Заведующий Хозяйственным Отд-м Давид Самойлович Левин командируется в город Мурманск в Партком Р. К. П. для доставки книг Издательства «Всемирная Литература».

Заведующий Издательством

М. Горький

Секретарь Е. Струкова.¹⁰

Из переписки директора и секретаря издательства: «Левину удалось наладить одну очень хорошую операцию. Мы дали Мурманскому парткому РКП 50—60 комплектов наших изданий, а они, взамен, выдают пудов 200 сол<еной> рыбы (треска, пикша, сельди)»; «Скажите

⁹ РО ИРЛИ, ф. 865, архив Ю. Д. Левина. Пост. № 34. 2002 г. Опубл.: Прометей: Историко-биографический альманах. М., 1967. Т. 4. С. 415, с факсимиле (далее в тексте: Прометей 1967).

¹⁰ Там же. С. 419.

Д. С. Левину, чтобы он всю свою энергию направил на доставку дров».¹¹

Неудивительно, что в морозную зиму 1919—1920 гг., когда «дровяник» Левин завел альбом, основным его содержанием стала «дровяная» тема.

О возникновении этого альбома К. И. Чуковский, неутомимый летописец «Всемирной», впоследствии писал: «Один из технических работников „Всемирной“, Д. С. Левин, очень милый молодой человек, каким-то чудом добывавший для „всемирных литераторов“ дрова из Совнархоза, однажды обратился к Александру Александровичу с просьбой вписать в его альбом какой-нибудь стихотворный экспромт. Блок сейчас же исполнил его просьбу. <...> С такой же просьбой Левин обратился к Гумилеву. Гумилев тоже написал несколько строк. Очередь дошла до меня, и я, разыгрывая из себя моралиста, обратился к поэтам с шутивным посланием, исполненным наивного гражданского пафоса: „Мое гражданское негодование при чтении стихов Блока и Гумилева, посвященных дровянику Давиду Самойловичу Левину“» (Чукоккала 1979. С. 216—217).

Однако повод для возникновения альбома, его состав и последовательность заполнения Чуковский описал неточно. Объясняется это тем, что альбома в своих руках он в то время не имел, собственное альбомное стихотворение, по-видимому, не помнил, а в дневнике от 23 ноября 1919 г. было указано неопределенно: «Теперь Левин завел альбом, и ему наперебой сочиняют стишки о дровах — Блок, Гумилев, Лернер» (Дневник. С. 128) — вероятно, этот порядок перечисления и был причиной неточности в позднейших воспоминаниях.

На самом деле первую запись сделал не Блок, а пушкинист Н. О. Лернер стихотворением с первыми строками: «Я открываю Ваш альбом, / Любезнейший товарищ Левин...». На следующем листе — стихи Гумилева, затем Блока. После них — запись самого Чуковского (но это все не те стихи, которые он назвал в Чукоккале).

В посвящении Лернера нет ни слова о дровах, зато есть многозначительное пожелание «поскорее стать папашей». Стихи датированы 20 ноября 1919 г., а через три месяца, 11 февраля 1920 г., у Давида Самойловича Левина родился сын, названный Юрием.

Юрий Давидович Левин (1920—2006) жил с родителями, потом со своей семьей в том же доме на Моховой 36, где помещалось издательство «Всемирная литература», учился в «Единой трудовой школе» № 15,

¹¹ Струкова Е. П. Письмо ее к Тихонову А. Н. от 22 июня 1921 г.; Тихонов А. Н. Письмо его к Струковой Е. П. от 23 июля 1921 (ЦГАЛИ СПб, ф. 46, № 58, л. 359, 418). Цит. по статье Т. А. Кукушкиной (см. примеч. 1).

стены которой еще хранили память о знаменитом Тенишевском училище. В начале Великой Отечественной войны ушел добровольцем в народное ополчение, был ранен, но прослужил во фронтовых подразделениях до победы, награжден боевыми орденами и медалями. После войны окончил романо-германское отделение филологического факультета ЛГУ, затем аспирантуру и в 1951 г. защитил кандидатскую диссертацию по английской литературе XVIII—XIX вв. С 1956 г. работал в Секторе (Отделе) взаимосвязей русской литературы с зарубежными Пушкинского Дома, защитил докторскую диссертацию на тему «Шекспир в русской литературе XIX века», был избран заместителем председателя Шекспировской комиссии Академии наук. Член Союза писателей, почетный доктор Оксфордского университета, член-корреспондент Британской Академии, автор многочисленных научных трудов.¹²

Долгое время Юрий Давидович хранил кожаный золотообрезный альбом отца, приложил большие усилия для публикации его текстов¹³ и незадолго до своей кончины передал его на вечное хранение в Рукописный отдел Пушкинского Дома.

Вернемся к страницам альбома.

Вслед за стихами Лернера в тот же день, 20 ноября, Гумилев открыл дискуссию о дровах словами «Левин, Левин, ты суров! / Мы без дров...». Очевидно, прав был Чуковский, заметивший в дневнике, что дровами Левин смог снабдить далеко не всех нуждающихся. А нужда была большая. «Был у меня Гумилев, — записывает Чуковский 17 ноября 1919 г. — Принес от Анны Николаевны (своей жены) ½ фунта крупы — в подарок — из Бежецка. Говорит, что дров никаких: топили шкафом, но шкаф дал мало жару. Я дал ему займы 36 полен. Он увез их на Бобиных санях» (Дневник. С. 124).

Приходилось идти на поклон в другие учреждения. Жуликоватый и, мягко говоря, не слишком начитанный завхоз Дома Искусств и Главархива П. В. Сазонов топливо выделял не всякому, «спрашивал: что — Гумилев — хороший поэт? Стоит ему прислать дров или нет? Я сказал, что Гумилев — отличный поэт. А Батюшков — хороший

¹² См.: Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905—2005. СПб., 2005. С. 469; Библиография трудов Ю. Д. Левина // Res Traductoria: Переводы и сравнительное изучение литератур / Сост. Н. Д. Кочеткова. СПб., 2000. С. 316—360.

¹³ См.: Левин Ю. Д. 1) Поэты о дровах // Прометей 1967. С. 414—421. В архиве К. И. Чуковского (РГБ, ф. 620, карт. 66, ед. хр. 81) хранится расширенный вариант этой статьи, присланный Левиным Чуковскому в 1959 г. (см.: Дневник. С. 487; Чукоккала 1999. С. 117, комментарий Е. Ц. Чуковской); 2) Николай Гумилев и Федор Сологуб о дровах // Труды отдела древнерусской литературы. СПб., 1996. Т. 50. С. 646—648 (далее в тексте: Труды 1996). В двух этих работах опубликованы 13 из 18 записей альбома.

профессор? — О да! Батюшков отличный профессор» (Чуковский. Дневник. 13 нояб. 1919. С. 123). Такая «филологическая» беседа вскоре дала результаты: Чуковский достал Гумилеву дрова через Сазонова и получил от него во время заседания записку: «Дрова пришли, сажень, дивные. Вечная моя благодарность Вам. Пойду благодарить П. В. Вечно Ваш Н. Г.» (Дневник. 23 нояб. 1919. С. 128). В Чукоккалу вклеен оригинал этой записки, пришедшей от мэтра с загадочным взглядом и «медленной важной речью», перед которым трепетали молодые поэты. С другой стороны, мемуаристам он запомнился в неизменной длинной шапке и эскимосской шубе с орнаментом. «Лекции он, как и все мы, читал, почти никогда не снимая шубы, так холодно было в нетопленных аудиториях. Пар валит изо рта, руки синеют, а Гумилев читает о новой поэзии, о французских символистах, учит переводить и даже писать стихи» (Океан времени. С. 515).

На следующий день после Гумилева со стихами о дровах выступил Блок, не менее страдавший от холода. Еще в августе он пометил в записной книжке: «Дрова, дрова!»,¹⁴ а в октябре: «Сжег шкафчик — детство мое и мамино» и записал в Чукоккале: «Холодно очень — в комнате градусов девять» (Чукоккала 1979. С. 215). Жалобы на отсутствие дров часты в переписке и дневниках семьи Блока.¹⁵

Может показаться странным, что именно Блок был одним из первых зачинателей обильной юмористической литературы Вселита. «Надо сказать, что общение с Блоком в те дни было делом нелегким, — вспоминал В. А. Рождественский. — Обычно сдержанный, всегда сосредоточенный в себе, чувствующий близкую болезнь и усталость Блок неохотно вступал в беседы».¹⁶ И этот «потухший, или, лучше сказать, отгоревший» (по словам того же Рождественского) Блок охотно пишет пародии, осенью 1919 г. сочиняет блестящие, искрящиеся тонкой иронией «Сцены из исторической картины „Всемирная литература“», вписывает в Чукоккалу шуточный протокол заседания Вселита, а когда «кто-нибудь из заседающих — Лозинский, Гумилев, Замятин — <...> подсовывает ему тетрадь или Чуковский свою „Чукоккалу“, и Блок сейчас же начинает усердно строчить».¹⁷ О приверженности Блока ко всякого рода литературным играм вспоминал и Чуковский.¹⁸ В альбоме Д. С. Левина Блок легко подхватывает брошенную Гумиле-

¹⁴ Блок А. А. Записные книжки // ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 360. Опубл.: Блок А. Записные книжки. 1901—1920. М., 1965. С. 471 (далее в тексте: Записные книжки).

¹⁵ См.: Литературное наследство. М., 1982. Т. 92. С. 485, 492, 495.

¹⁶ Рождественский В. Страницы жизни: Из литературных воспоминаний. М., 1974. С. 156—157 (далее в тексте: Страницы жизни).

¹⁷ Одоевцева И. На берегах Невы. М., 1988. С. 167.

¹⁸ См.: Чуковский К. Собр. соч. М., 2001. Т. 5. С. 184.

вым тему, выступив с уверенным предвидением — «не раз и не два / Здесь будут писаться слова — / Дрова» и придав тексту, на первый взгляд непритязательному, весьма изысканную форму.

Известно, что отношения этих двух поэтов были далеко не безоблачными. По наблюдениям Рождественского, «они явно недолгобливали друг друга, но ничем не выказывали своей неприязни. Более того, каждый их разговор казался тонким поединком вежливости и безукоризненной любезности» (Страницы жизни. С. 201). Добавим, что их разногласия носили творческий характер и касались прежде всего различных принципов перевода.

Связующим звеном между писателями нередко оказывался неутомимый и вездесущий Корней Чуковский, обладавший незаурядным даром общения. Его внешние приметы того времени описали, каждый в своей манере, Оцуп и Рождественский: «Длинный как верста и ломающийся пополам, когда здороваются» (Океан времени. С. 521); «Высокий, мягко сгибающийся, болтающий длинными руками, он говорил почти юношеским свежим голосом, и в ласковых интонациях вкрадчиво скользящей фразы проступала едкая и умная критическая соль. <...> Все, что он делал, было весело и талантливо» (Страницы жизни. С. 270).

Как и остальные, Чуковский стойко переносил голод и холод. 4 декабря 1919 г. он записывает: «О, как холодно в Публичной библиотеке. Прикосновение к ледяной бумаге ощущалось так, словно писал на раскаленной плите» (Дневник. С. 133). Не легче было и дома: «А у меня ни одного полена. Я с санками ходил во Всемирную, выпросил поленьев двенадцать, но вез по лютому морозу, без перчаток, поленья рассыпаются на каждом шагу, руки отморозил, а толку никакого» (Дневник. С. 187).

Животрепещущую тему дров Чуковский немедленно продолжил на отдельном листке (вклеенном впоследствии в Чукоккалу):

Мое гражданское негодование
при чтении стихов Блока и Гумилева,
посвященных дровянику
Давиду Самойловичу Левину

За жалкие корявые поленья,
За глупые сосновые дрова —
Вы отдали восторги вдохновенья
И вещи бессмертные слова.

Ты ль это, Блок? Стыдись! Уже не роза,
Не Соловьинный сад,
А скудные дары из Совнархоза
Тебя манят.

Поверят ли влюбленные потомки,
Что наш магический, наш светозарный Блок
Мог променять объятия Незнакомки
На дровяной паек.

А ты, мой Гумилев! Наследник Лаперуза!
Куда, куда мечтою ты влеком?
Не Суза знойная, не буйная Нефуза, —
Заплеванная дверь Петросоюза
Тебя манят, не рай, но Райлеском!

И барышня из Домотопа
Тебе дороже эфиопа!

К. Ч.

22 ноября 1919.

(Чукоккала 1979. С. 217)

Блок, по-видимому, очень заинтересовался этими стихами. Именно к ним относится его запись от 2 декабря: «Попросить стихотворение Чуковского» (Записные книжки. С. 483). Сохранился текст стихотворения с припиской Блока: «Чуковский — нам с Гумилевым по поводу написанных нами в альбом Левина стихотворений о дровах».¹⁹ 5 декабря во время затянувшегося заседания Коллегии оба поэта прочитали это «шутливое послание, исполненное наигранного гражданского пафоса», и продолжили литературную игру. Причем Гумилев — тут же, на заседании, сохранив в ответном экспромте все рифмы в том же порядке, в каком они стояли у Чуковского:

Ответ

Чуковский, ты не прав, обрушась на поленья,
Обломки божества — дрова.
Когда-то деревьям, близки им вдохновенья,
Тепла и пламени слова.

Береза стройная презренней ли, чем роза,
Где дерево — там сад.
Где б мы ни взяли их, хотя б из Совнархоза,
Они манят.

Рощ друидических теперь дрова потомки,
И разумеется, в их блеске видел Блок
Волнующую поступь Незнакомки,
От Музы наш паек.

¹⁹ РГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 85. Цит. по: Блок А. А. Полн. Собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999. Т. 5. С. 489 (далее в тексте: Блок 1999).

А я? И я вослед Колумба, Лаперуза
К огню и дереву влеком.
Мне Суза с пальмами, в огне небес Нефуза,
Не обольстительней даров Петросоюза,
И рай огня дает нам Райлеском.

P. S. К тому ж в конторе Домотопа
Всегда я встречу эфиопа.

Н. Гумилев

5 декабря 1919.

(Чукоккала 1999. С. 111)

6 декабря Блок написал «ответ Чуковскому в стихах» (Записные книжки. С. 482), блеснув в свою очередь моноримами в каждой их трех частей (первоначальное название — «Чуковскому», в последующих публикациях известно как «Стихи о предметах первой необходимости»):

Чуковскому

Нет, клянусь, довольно Роза
Истощала кошелек!
Верь, безумный, он — не проза,
Свыше данный нам пасек!
Без него теперь и Поза
Прострелил бы свой висок,
Вялой прозой стала роза,
Соловьиный сад поблек,
Пропитанию угроза —
Уж железных нет дорог,
Даже (вследствие мороза?)
Прекращен трамвайный ток,
Ввоза, вывоза, подвоза —
Ни на юг, ни на восток,
В свалку всякого навоза
Превратился городок, —
Где же дальше Совнархоза
Голубой искать цветок? —

В этом мире, где так пусто,
Ты ищи его, найди,
И, найдя, зови капустой,
Ежедневно в щи клади,
Не взыщи, что щи не густы —
Будут жиже впереди,
Не ропщи, когда в Прокруста
Превратят — того гляди
(«Книг чтоб не было в шкапу ста!»
Скажет Брюсов, погоди!),

И, когда придет Локуста,
К ней в объятья упади.

Имена цветка не громки,
Реквизируют — как раз,
Но носящему котомки
И капуста — ананас,
Как с прекрасной незнакомки,
Он с нее не сводит глаз,
А далекие потомки
И за то похвалят нас,
Что не хрупки мы, не ломки,
Здравствуем и посеячас.
(Да-с).

Иль стихи мои не громки?
Или плохо рвет постромки
Романтический Пегас,
Запряженный в тарантас?

А. Б.

Получено 28 декабря 1919 г.

(Чукоккала 1979. С. 218—220)²⁰

Помета Чуковского датой 28 декабря ошибочна, так как он написал в дневнике 9 декабря: «Вчера я получил прелестные стихи от Блока о розе, капусте и Брюсове, очень меня обрадовавшие» (Дневник. С. 134).

Стихотворение неоднократно перерабатывалось.²¹ О невоплощенном первоначальном варианте Чуковский сообщает: «Отдавая мне эти стихи для „Чукоккалы“, Блок сказал, что он сочинил их по пути из „Всемирной Литературы“, но когда стал записывать их, многое успел позабыть и теперь уже не может припомнить» (Чукоккала 1979. С. 220).

В своем ответе Блок парировал намеки Чуковского на драмы «Роза и крест», «Соловьиный сад», «Незнакомка», а также положил начало новой теме — ироническому воспеванию знаменитой буфетчицы Розы Васильевны Руры, прочно вошедшей в анналы «Всемирной». По замечанию очевидца, «всем было известно, что к Блоку монументальная Роза питала особое расположение» (Рождественский. Страницы жизни. С. 204). «Его стихи представляют собой ответ на мои lamentации

²⁰ Впервые опубл. в год смерти Блока: Летопись Дома литераторов. 1921. № 2, 15 янв. С. 6, с вариантами; Записки мечтателей. 1922. № 6, с вариантами, под загл. «Стихи о предметах первой необходимости». Известно и «Продолжение стихов о первой необходимости» (впервые: Русский современник. 1924. № 3, автограф — Чукоккала 1979. С. 221). Противопоставление романтических образов приземленному бытовому сознанию использовано в романе О. Фрош «Сумасшедший корабль» (1930): «Ведь он оставил Да-му, ему *вляой прозой стала роза, соловьиный сад угас...*» (курсив наш).

²¹ См.: ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 106.

по поводу мнимой измены „Незнакомке“ и „Соловьиному саду“. Уже в первой строке своего стихотворения он самым причудливым образом подменяет романтическую розу, упомянутую в моем обращении к нему, другой Розой, чрезвычайно реальной: Розой Васильевной, тучной торговкой, постоянно сидевшей на мраморной лестнице нашей „Всемирной“ с папиросами и хлебными лепешками, которые она продавала нам по безбожной цене. Кто мог в те времена предсказать, что ей будет обеспечена долгая жизнь в поэтическом наследии Блока?» (Чуковкала 1979. С. 217—218). Стихи тотчас же пошли по рукам и «имели большой успех в недрах издательства» (Страницы жизни. С. 157). Чуковский читал это стихотворение на вечере памяти Блока 22 октября 1921 г., сопроводив его своим комментарием: «В этом смехе чувствовался плач. Повторение одних и тех же рифм и смешило и угнетало, как однообразная боль <...> Замечательно что Блок не побоялся ввести в эту шутку свои любимые романтические образы: соловьиный сад, голубой цветок, Незнакомку» (Блок 1999. С. 489).

Наконец, Чуковский завершает шуточный поединок, вписывая в альбом свое стихотворение «О, милые поэты! / Ужель не стыдно вам...», несколько раз варьированное им впоследствии.²²

Однако к 8 декабря (времени получения Чуковским стихов Блока) левинский альбом успел пополниться рисунком Анненкова с датой «Зима 1919—1920» и прозаической записью Волынского от 4 декабря. Поэтому Чуковский, чтобы не нарушать тематическое единство, свои финальные стихи вписал на свободном обороте листа, присоединив их к текстам Гумилева и Блока перед Анненковым и Волынским, поставив дату «Декабрь 1919 г.». 11 декабря помечены стихи Оцупа, в которых уже содержится отклик на его текст (у Чуковского: «И Гржебин и Волынский, / И пламенный Оцуп...», у Оцупа: «И хоть поет Чуковский / О пламени моем...»).

Таким образом, хронология всех шести стихотворений «дровяного цикла» в совокупности позволяет датировать альбомные стихи Чуковского коротким промежутком между 8 и 11 декабря 1919 г. и выстроить цикл следующим образом:

Часть 1

Гумилев в альбоме — 20 ноября.

Блок в альбоме — 21 ноября.

Чуковский вне альбома — 22 ноября.

²² Предположение, что Блок ответил сразу на оба стихотворения (см. Ежегодник 2002. С. 238), верно в том случае, если Чуковский вписал свой текст на заседании 5 дек. и показал его Блоку, но сведений об этом мы не имеем.

Часть 2

Гумилев вне альбома — 5 декабря.

Блок вне альбома — 6 декабря.

Чуковский в альбоме — между 8 и 11 декабря.

Это подтверждает свидетельство Чуковского о том, что именно Блок в своем послании от 6 декабря положил начало ироническому воспеванию Розы Васильевны во «Вселите», подхваченному Чуковским, а затем и другими. Тем самым вносится поправка в следующее предположение Левина-младшего, чье письмо от 11 ноября 1959 г. сохранилось в архиве Чуковского: «Ваше объяснение к стихотворению Блока „Чуковскому“ не вполне правильно. Вам, а не Блоку принадлежит подмена „романтической розы“ — „тучной торговкой“ Розой Васильевной» (Чукоккала 1999. С. 120, в комментарии Е. Ц. Чуковской). Ошибка Ю. Д. Левина, вероятно, вызвана тем, что, обладая альбомом, он в то же время не имел доступа к остальным материалам — дневникам Чуковского, записным книжкам Блока и трем текстам, вклеенным в Чукоккалу. Неполная дата и нарушенная последовательность расположения создали ошибочное впечатление, что стихотворение Чуковского написано до 4 декабря 1919 г., т. е. ранее стихов Блока от 6-го числа. Недоступность первоисточника в свое время ввела в заблуждение и наиболее осведомленного текстолога В. Н. Орлова, который в восьмитомном собрании сочинений Блока (1960. Т. 3. С. 645) откомментировал «Мое гражданское негодование...» как «записанное в том же альбоме Д. С. Левина».

Чукоккала сохранила нам еще один ценный документ, едва не утраченный: первоначальные варианты двух стихотворений (Блока и Чуковского) на листке, вырванном Блоком из альбома после того, как он ошибся в отчестве Д. С. Левина, написав «Соломонович» вместо «Самуилович». Сохраненный Чуковским листок заполнен вариантами и пояснениями участников поэтической полемики (см. наст. изд., с. 782 и 783).

Цикл Гумилева—Блока—Чуковского никогда не был опубликован во всей полноте и хронологической последовательности, с исчерпывающим комментарием. Самым трудным и извилистым путем шли к читателю стихи Гумилева. И не только из-за долгого запрета на его имя в советские годы, но из-за самого текста, точнее — одной строки, еще точнее — из-за двух слов: «Ты ж высчитываешь триста / *Мерзких ленинских* рублей» (курсив наш). Не увенчалась успехом попытка Юрия Давидовича в 1967 г., в период хрущевской оттепели, опубликовать стихотворение в своей статье «Поэты о дровах» (Прометей 1967). «Понимая, — писал он позднее, — что дерзостная четвертая строка

стихотворения («Мерзких ленинских рублей») в нашей печати невозможно, я взял на себя смелость заменить ее безобидным „Обесцененных рублей“. Однако замена не помогла, стихотворение было из публикации изъято. Изъятие, очевидно, было произведено цензором, поскольку имя и творчество Гумилева находилось тогда под запретом» (Труды 1996. С. 648).

Впервые шутка Гумилева напечатана в 1986 г. М. Баскером и Ш. Греем в парижском издательстве YMCA-Press с законспирированной Левиным строчкой и редакционным примечанием: «Текст представлен анонимным русским собирателем».²³ Кто был этот собиратель, каким образом он заполучил рукопись редакции «Прометей» и обнаружил неизвестное произведение за пределами советских цензурных препон, Юрий Давидович не узнал до конца своих дней. Неизвестно и ее нынешнее местонахождение. В России тот же вариант перепечатан Н. А. Богомоловым в трехтомнике издательства «Художественная литература» в 1991 г.,²⁴ а также в комментарии к Полному собранию сочинений и писем Блока (Блок 1999. Т. 5. С. 485). Аутентичный текст впервые появился в публикации Ю. Д. Левина в 1996 г. (Труды 1996. С. 647), повторен в комментарии к Чукоккале 1999 (С. 117) и уже в XXI в. вошел в Полное собрание сочинений Гумилева под общей редакцией Ю. В. Зобнина.²⁵

Стихотворение Блока в научных комментированных изданиях опубликовано неоднократно (5 раз с 1936 по 1999 г.), однако полной текстологической картины не находим ни в одном из них. Например, первая публикация (1936 г.) сопровождается комментарием В. Н. Орлова: «Печатается по списку, сообщенному частным лицом».²⁶ Кто был этим «частным лицом», мы не знаем до сих пор. Возможно, Чуковский, располагавший вырванным листком, или члены семьи Левиных — его вдова, а может быть, и 16-летний сын Юрий. В третьем томе восьмитомного Собрания сочинений (1960 г.) уже находим сообщение о существовании альбома (однако там ошибочно указано, что упомянутое Чуковским «Мое гражданское негодование...» якобы записано «в том же альбоме Левина»²⁷ — очевидно, что комментатор тома В. Н. Орлов не располагал альбомной записью, так же как и сам автор). Листок с первоначальной редакцией впервые обнаружен в Чукоккале 1979 (С. 216).

²³ Гумилев Н. С. Неизданное и несобранное. Париж, 1986. С. 23.

²⁴ Гумилев Н. С. Соч.: В 3 т. М., 1991. Т. 1. С. 467.

²⁵ Гумилев Н. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 2001. Т. 4. С. 79.

²⁶ Блок А. Собр. соч.: В 12 т. Л., 1932—1936. Т. 12. 1936. С. 280.

²⁷ Блок А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1960. Т. 3. С. 645.

Чуковский свое стихотворение варьировал много раз и так же вариативно печатал его. Первая (неполная) публикация, впрочем, принадлежит Ю. Д. Левину (Прометей 1967. С. 417). Затем в Чукоккале (1979. С. 222; 1999. С. 119) напечатаны несколько разных отрывков, а также ранний вариант начала. Другие отрывки обнаружены в альбоме Р. В. Руры и опубликованы в Ежегоднике 2002 (С. 392).

Как видим, сложная эдиционно-текстологическая история взаимодействия шести стихотворений трех писателей ни в одном из вышеперечисленных изданий не получила исчерпывающей текстологической легенды. Шутливая полемика между тремя авторами, вышедшая за пределы альбома, развивалась не совсем так, как видели ее впоследствии Чуковский, Ю. Д. Левин, а за ними и многие позднейшие публикаторы.

Юмористический цикл Гумилева, Блока и Чуковского породил целый ряд поэтических откликов на страницах альбома.

Еще до Чуковского в первых числах декабря (не позднее 4-го) рисует автошарж «художник Юрий Анненков (всеобщий «Юрочка»), вездесущий, разбитной и талантливый», прославившийся в 1918 г. иллюстрациями к поэме Блока «Двенадцать», автор издательской марки «Всемирной литературы». Надписи Блока и Анненкова Чуковскому на первом издании поэмы воспроизведены в Чукоккале, там же — характеристика: «Как-то незаметно у меня на глазах вырос и окреп его талант, <...> и портретист, и пейзажист, и рисовальщик, и график. Человек легкого, бодрого нрава, очень подвижной и общительный, он свободно вошел в избранный круг художников, поэтов, артистов» (Чукоккала 1979. С. 31).

В альбоме художник изобразил себя сидящим на печке-«буржуйке» в шубе и валенках, дымящаяся печная труба пронизывает все тело, но руки в больших рукавицах крепко сжимают «орудия труда» — кисть и палитру. Сюжет основан на реальных обстоятельствах. В это время Анненков готовил для издательства «Петрополис» книгу «Портреты»,²⁸ где воспроизведен и портрет Чуковского. 1 ноября 1919 г. тот записывает: «Юрий Анненков начал писать мой портрет. Но как у него холодно! Он топит дверьми: снимает дверь, рубит на куски — и вместе с ручками в плиту!» (Дневник. С. 117). Это были двери квартиры Д. И. Менделеева, вселиться в которую предложила Анненкову Любовь Дмитриевна Блок. «Потом подошла зима. Топлива не было, — пишет он. — Зима разъярялась. Я ложился спать в тулупе и валенках,

²⁸ Анненков Ю. Портреты / Текст Е. Замятина, М. Кузмина, М. Бабенчикова. Пб. [Пг]: Петрополис, 1922.

в барашковой шапке, накрываясь одеялами и коврами. <...> Я сжег в печи сначала дверь, отделявшую ученый кабинет от прихожей, затем дверь из коридора в кухню».²⁹ В этих условиях и создал Анненков уникальную портретную галерею своих выдающихся современников. В книгу вошли портреты Чуковского и других авторов левинского альбома — Е. И. Замятина, А. Л. Волынского, М. А. Кузмина, Ф. Соколуба, а также впервые опубликован рисунок из альбома Д. С. Левина. Помимо статей Замятина «О синтетизме» и Кузмина «Колебания жизненных токов» предполагалась также вступительная статья Чуковского, не включенная в окончательный печатный вариант, но сохранившаяся в архиве писателя, а в его библиотеке — именной экземпляр «Портретов» (см.: Дневник. С. 485). Помощь в издании «Портретов» оказывал художнику Д. С. Левин, в архиве которого сохранился экземпляр с надписью: «Соавтору этой книги Давиду Самуиловичу Левину с дружескими чувствами. Ю. Анненков. 18.1.1923» (Прометей 1967. С. 418).

11 декабря на все три стихотворения о дровах откликнулся «один из очень юных и бойких поэтов», акмеист Н. А. Оцуп, ученик и биограф Гумилева. Необычность его фамилии и характер общественной деятельности на благо издательства не раз обыграны в кружковой юмористической литературе. «Когда Блок впервые услышал его имя, — пишет Чуковский, — он спросил у меня, что такое ОЦУП, очевидно, полагая, что это — аббревиатура какого-нибудь учреждения. Я ответил, что, насколько знаю, это Общество Целесообразного Употребления Пищи» (Чукоккала 1979. С. 266). Это определение Блок осенью 1919 г. перенес в свою «Сцену из исторической картины „Всемирная литература“»:

Чуковский (запальчиво)

Неправда! Я читаю в Пролеткульте,
И в студии, и в Петрокомпромиссе,
И в Оцупе, и в Реввоенсовете!***

Примечание: «***этот стих не дает разгадки понятия „Оцуп“; если <это> был человек, то Чуковский мог „читать“ в его душе; если — учреждение, то, очевидно, там была культурно-просветительская ячейка, где Чуковский читал лекции» (Блок 1999. С. 86).

Комическая расшифровка фамилии Оцупа — отклик на взрыв аббревиатур в названиях растущих как грибы новейших советских учреждений. Например, КУБУ — Комитет по улучшению быта уче-

²⁹ Анненков Ю. Дневник моих встреч. М., 1991. Т. 1. С. 89 (далее в тексте: Дневник моих встреч).

ных, о котором, по свидетельству Анненкова, Горький сказал однажды: «Вообще, КУБУ следовало бы переименовать в КПБСИ — „Комитет Поддержания Бодрости Среди Интеллигенции“» (Дневник моих встреч. С. 33). Считается, что сокращение «Вселит» пустил в ход Федор Сологуб, а изысканно аристократичный М. Л. Лозинский, покидая заседание, говорил на прощание: «ЧИК», что означало «Честь имею кланяться».

Оцуп был необидчив, «бесхитростен, добр и питал глубочайшее уважение к поэзии», к тому же отличался практичностью и был незаменим в деле добывания продуктов (откуда и расшифровка его фамилии). «В Чукоккале эта деятельность юного Оцупа была высмеяна слишком жестко — и едва ли справедливо — поэтом Георгием Ивановым:

Оцуп, Оцуп, где ты был?
Я поэму сочинил.
Съездил в Витебск, в Могилев,
Пусть похвалит Гумилев...».

(Чукоккала 1979. С. 266)

Воспоминания Оцупа о зиме 1919 г. звучат в унисон с остальными: «Температура в квартирах держалась неделями только на два-три градуса выше нуля, печи топили книгами и стульями, вода в водопроводах замерзала» (Океан времени. С. 519).

Альбомный текст Оцупа показывает внимательное ознакомление автора со всеми предыдущими: эпиграф взят из стихотворения Блока, начало («Пророчески поэта / Сбываются слова...») адресует к нему же, в пятой строфе — ответ Чуковскому, в примечании автор в свою очередь обыграл фамилию Блока. Одновременно — 11 декабря 1919 г. — Оцуп сделал запись на ту же тему и в Чукоккале: «По поводу всего вышесказанного о дровах и капусте от верного капустного рыцаря ее поклонникам по расчету» (Чукоккала 1999. С. 123).

А. В. Амфитеатров, в отличие от Оцупа, был к тому времени уже молодым человеком и плодовитым писателем. Он не смог смириться с советскими порядками и скептически относился к «Всемирной литературе», в которой сотрудничал. Широкий резонанс имело, например, его скандальное выступление на торжественном обеде в честь Герберта Уэллса.³⁰ Несколько раз был арестован ВЧК, в последний раз — в марте 1921 г., после чего бежал с семьей в Финляндию, переплыв на лодке Финский залив. В альбомном опусе Амфитеатров сообщает о

³⁰ См.: Жизнь человека... Т. 1. С. 368, 487. Там же — воспоминания о Гумилеве, Сологубе и других соотрудниках «Всемирной литературы».

своим впечатлении от предыдущих сочинений («Как прочитал / Я Ваш альбом, / Печален стал, / Нахмурысь лбом...») и продолжает тему дров в плясовом частушечном ритме (реплику о «псевдорусском стиле» Амфитеатрова см.: Чукоккала 1979. С. 204. Не исключено, что стиль и содержание этих частушек дают ключ к атрибуции анонимного текста, приведенного в статье Т. А. Кукушкиной — Ежегодник 2002. С. 350—351).

Ф. Сологуб славился не только как маститый писатель, но и как человек с угрюмым нравом, беспепелляционными суждениями, резкими выходками. 14 февраля 1920 г. Чуковский пишет: «Шествуя с Блоком по Невскому, мы обогнали Сологуба — в шубе и шапке — бодро и отчаянно шагавшего по рельсам с чемоданом. Он сейчас же заговорил о французах — без всякого повода и вообще распекал нас обоих за то, что мы не французы» (Дневник. С. 141). Молодой Оцуп, привыкший видеть Сологуба «под оболочкой не всегда приятной», в феврале 1921 г. встретил его совсем в ином облике: «...снег хрустит под полозьями каких-то чудовищных саней. На санях лежат несколько огромных бурых бревен, и старичок, обмотанный платком, тащит за собой поклажу. Я вглядываюсь в лицо старичка — Сологуб. Ему, видно, трудно, он очень осунулся и выглядит старше своих лет. Я здороваюсь и вызываюсь помочь. Сологуб с благодарностью принимает мое предложение. Медленно продвигаемся к Васильевскому острову, разговаривая дорогой» (Океан времени. С. 525).

Свою мечту уехать за границу Сологуб выразил на очередной альбомной странице, оттолкнувшись от темы дров («Не надо дров — без них горишь / От лихорадки и от холода...»). Все эти годы он безуспешно добивался заграничного паспорта для себя и своей жены Анастасии Николаевны Чеботаревской. После ее гибели эти попытки были прекращены, остались стихи с несбыточной мечтой о городе, где «дни забываются гнетущие».

Прочие авторы не поддались искушению варьировать отопительные сюжеты.

В. А. Рождественский описан Анненковым так: «Рождественский культурен, начитан, осторожен, порою находчив <...>. Он находится на перепутьи. Ему предстоит <...> решительно обломив себя, <...> выйти на широкую дорогу истинной поэзии (способностей у него хватит)» (Дневник моих встреч. С. 339). Интересные сведения о деятельности «Всемирной литературы», характеристики ее сотрудников находим в упомянутых выше воспоминаниях Рождественского «Страницы жизни». Молодой поэт метафорически определил тему своего лирического стихотворения в обращении к владельцу альбома: «Дав. Сам! Здесь все пишут „о дровах“. Вы позволите мне „о тепле“?». Шестна-

дцать строк стихотворения «Утро» («Свежеет смятая подушка...»), датированные 3 апреля 1920 г., представляют собой самый ранний вариант известного лирического стихотворения, до сих пор не опубликованный, несмотря на то что оно неоднократно печаталось автором в различных редакциях под разными датами.

В дневниках Чуковского не раз встречается имя М. А. Кузмина, который казался ему похожим на цыгана-лошадника «в поддевке, со смуглым лицом». Кузмин был связан долгими творческими отношениями с Гумилевым и Блоком. Так, еще в 1906 г. он написал музыку к постановке «Балаганчика», а Блок в свою очередь восхищенно откликнулся на его произведения в 1920 г.³¹ В издательстве Кузмин был переводчиком, не состоял в руководстве ни одной из коллегий, не получал дополнительных пайков, на что и намекнул в альбомном стихотворении «Я не любим „литературой“...». О том же он записал однажды в дневнике: «Да, был в „Литературе“, где меня очень плохо встретили». ³² «Всемирной литературе» он посвятил «Кантату» («„Всемирная литература“, / Известно всем, что не халтура...»). ³³ О дровах не писал, но его дневник заполнен жалобами на нестерпимый холод. ³⁴ В описываемое время (1919 г.) пародийно воспел спасительное банное тепло в одном из стихотворений. ³⁵

Записи прозаиков — А. Волынского, Е. И. Замятина, Ф. Д. Батюшкова, В. К. Шилейко — в большинстве до сих пор не опубликованные — отмечены характерными чертами каждого из авторов.

О Волынском секретарь редакции В. А. Сутугина говорила: «Ни у кого я не видела таких взлетов мысли, от которых, бывало, дрожь пробирает, и на самые разнообразные темы, из самых разных областей». ³⁶ «Говорил он очень возвышенно», — вторит ей Чуковский. Рождественский так описал Волынского эпохи «Всемирной литературы»: «Маленький, сморщенный, похожий чем-то на высохшую остроносую птицу Аким Волынский. <...> С необычайно витиеватой цветистой речью, пересыпанной парадоксами и блесками несколько путаного остроумия, автор толстенных монографий о Леонардо да Винчи и До-

³¹ См.: *Блок А.* Собр. соч. М.; Л., 1960. Т. 6. С. 439—440.

³² *Кузмин М.* Дневник 1921 года // *Минувшее: Исторический альманах.* М.; СПб., 1993. Т. 12. С. 445.

³³ Авторизованная машинопись: ПФА РАН, ф. 1026, оп. 2, № 109, л. 18. Впервые полностью: *Ежегодник 2002.* С. 349—350.

³⁴ См.: *Кузмин М.* Дневник 1921 года. С. 423—494.

³⁵ См.: *Богомолов Н. А.* Заметки о «Печке в бане» // *Михаил Кузмин и русская культура XX века.* Л., 1999. С. 197, 201.

³⁶ *Сутугина В. А.* Письмо ее к Крачковскому И. Ю. 15 мая 1945 г. // ПФА РАН, ф. 1026, оп. 3, № 513, л. 23. Опубл.: *Ежегодник 2002.* С. 381.

стоевском, он горячо защищал самые идеалистические позиции» (Страницы жизни. С. 193). О своей работе в издательстве сам Волинский рассказал в интервью журналу «Вестник литературы» в 1919 г.³⁷

Е. И. Замятин жил в то время в доме издательства «Всемирная литература» на Моховой, 36. Его литературный портрет находим в «Океане времени» Оцуа. «Широколицый, скуластый, среднего роста, чисто одетый, инженер-писатель, недавно выписанный Горьким из Англии» (С. 540). «Выдающийся инженер, командированный русским правительством в Англию на третий год войны, лектор на кораблестроительном отделении Петербургского политехнического института вдруг оказался в первом ряду современных писателей и стал признанным мэтром молодых прозаиков» (С. 541). Во время чтения у Горького повести Замятина «Уездный» Чуковский «носился по залу и говорил всем и каждому: — Что? Каково? Новый Гоголь. Не правда ли?» (С. 541). «В ужасных условиях советской жизни Замятин стал живым примером выдержки и дисциплины. <...> В железные годы военного коммунизма сколько людей, известных и уважаемых совершали вольные и невольные ошибки против совести, заигрывая с большевиками. Замятин был среди людей политически безупречных» (С. 543—544). Нескрываемое неприятие советских порядков привело его вскоре к аресту и тюремному заключению.

Замятин внес свой вклад в юмористику Вселита «Краткой историей „Всемирной литературы“ от основания и до сего дня»,³⁸ но в альбом Левина он поместил лирическую зарисовку «Снег», окрашенную трагическими нотками. Она неожиданно перекликается с описанной Анненковым отвратительной сценой на Невском проспекте «в предутренний снегопад» под «снежный свист раннего утра, едва успевшего поголубеть» в октябре 1919 г. (Дневник моих встреч. С. 78). Ю. Анненков посвятил Замятину одну из глав «Дневника моих встреч».

Профессор Ф. Д. Батюшков, специалист по зарубежным литературам, по словам Чуковского, — «отличный человек, только чуть-чуть скучноватый», в последние годы жизни работал над книгой воспоминаний «Около талантов», где, в частности, касался литературно-общественных начинаний Горького.³⁹ 20 марта 1920 г. Чуковский писал: «Скончался Федор Дмитриевич Батюшков. В последнее время он был очень плох. <...> Бедный, вежливый, благородный, деликатнейший, джентльменнейший из всей нашей коллегии» (Дневник. С. 141). Всего

³⁷ См.: Вестник литературы. 1919. № 8. С. 4. Указано Т. А. Кукушкиной (Ежегодник. 2002. С. 381).

³⁸ Замятин Е. Сочинения. Мюнхен, 1986. С. 334—347.

³⁹ См.: ИРЛИ, ф. 20, д. 15780.

за месяц до своей кончины Батюшков в альбоме церемонно поблагодарил Д. С. Левина за заботу, взяв в соавторы Людвига Фейербаха.

В. К. Шилейко, незадолго до того принятый в штат Эрмитажа и утвержденный профессором Петроградского археологического университета по специальности ассириология, был приглашен в Восточный отдел Коллегии по рекомендации Гумилева, с которым, как и с Лозинским, его связывали давние тесные дружеские и творческие отношения, в частности, совместная работа над ассиро-вавилонским эпосом «Гильгамеш». «Николай Степанович потащил меня во „Всемирную литературу“ и там очень долго патернировал меня. Я около года считался его человеком», — вспоминал он.⁴⁰ Шилейко обладал большим поэтическим даром и блестящим остроумием, однако в альбом сделал запись серьезную. Он поместил туда собственный перевод из древнекитайской философской книги, оказавшей сильное влияние на философскую мысль не только Востока, но и Запада. Книга «Лао-си. Тао-те-кинг, или Писание о нравственности» впервые переведена на русский язык проф. Д. П. Конисси в 1892 г. Сохранилось ее второе издание с владельческой надписью Блока.⁴¹ Шилейко перевел самостоятельно заключительную, 81-ю главу. В переводе проф. Конисси она выглядит следующим образом: «Голос истины неизящен, а изящная речь лжива. Нравственный человек не красноречив, а красноречивый — лжец. Мудрец не знает многого, а знающий — не мудрец».

До сих пор не опубликован любопытный рисунок, помеченный 1923 г., с не расшифрованной пока подписью. Атрибуция его впереди, а до того выставочная этикетка под ним могла гласить: «Неизвестная за самоваром с кошкой».

Этим заканчивается «Вселитский» этап альбома: в декабре 1924 г. издательство прекратило свое существование. Впереди были и новые издания и другие холодные зимы.

Д. С. Левин перешел на работу в Ленинградское отделение издательства «Гудок». Тему нехватки дров, животрепещущую и в 1925 г., продолжили сотрудники журнала «Смехач»: Б. В. Жиркович, писавший под псевдонимом Иван Кузьмич Прутков, автор прославленной «Лекции о вреде пьянства» в театре «Кривое зеркало», а также А. А. Френкель (псевдоним — д'Актиль), сотрудник многих юмористических журналов, переводчик (в том числе «Алисы в стране чудес»), автор текста к знаменитому в свое время «Маршу буденовской армии» («Мы красные кавалеристы / И про нас...») и другим известным пес-

⁴⁰ Гумилев Н. Стихи, поэмы. Тбилиси, 1988. С. 67. Приведено в примеч. А. Г. Меца в кн.: Шилейко В. Пометки на полях: Стихи. СПб., 1999. С. 27.

⁴¹ Лао-Си. Тао-те-кинг, или Писание о нравственности. М., 1913.

ням и романсам. В строке «Альбом, по стилю дровяной» Френкель первым употребил эпитет, прочно закрепившийся за левинским альбомом.

Завершающим оказался шарж Н. Э. Радлова «Последнее заседание „Смехача“ на Литейном», где среди кип журналов виднеются фигурки самого художника, д'Актиля и карикатуриста Б. И. Антоновского (указано Ю. Д. Левиным: Прометей 1967. С. 421). Чуковский описал в дневнике и автора этого рисунка: «Вчера был у Николая Эрнестовича Радлова. Когда я с ним познакомился, это был эстет из „Аполлона“, необыкновенно опроборенный и тонкий. Несколько вялый, но изящный писатель. <...> Он казался „бывшим человеком“, очень потертым, долго не умел приклеиться к революции. <...> Теперь он к революции приклеился: вдруг оказался одним из боевых советских карикатуристов, халтурщиков в „Бегемоте“, в „Смехаче“ и в „Красной“. Количество фабрикуемых им карикатур — грандиозно. <...> Я рассматривал вчера его карикатуры. Они банальны. Но его шаржи вызывают у меня восхищение. Он отличается огромной зрительной памятью и чрезвычайно остро ощущает квинтэссенцию данного лица. Глаза у него лучше, чем рука» (Дневник. С. 362.). В 1921 г. Радлов запечатлел в Чукоккале и шарж на самого Чуковского (Чукоккала. 1979. С. 291).

На этом записи в альбоме Д. С. Левина прерываются. Вероятно, по его примеру вскоре завели свои альбомы секретарь директора В. А. Сутугина, а затем буфетчица Р. В. Рура (1920—1921). Туда немедленно перекочевало большинство авторов левинского альбома (Блок, Волынский, Гумилев, Замятин, Лернер, Оцуп, Рождественский, Сологуб, Чуковский, Шилейко) с почтительными дифирамбами, обращенными к Сутугиной, и полускрыто ироническими — к Руре (в их числе — несколько перепевов темы *роза* — *Роза* у Оцупа, Рождественского, Сологуба, Гумилева, Лернера, Замятина).⁴²

Переклички этих записей и примыкающих к ним инскриптов Чукоккалы — драгоценные отблески повседневной жизни и творческих отношений выдающихся русских литераторов в тяжелое для страны время. Коллектив издательства, объединивший круг единомышленников, продолжил в гротескной форме традиции уходящего в прошлое жанра «литературного альбома» (по классификации В. Э. Вацура).⁴³

Альбом Д. С. Левина с незаурядными именами и блестящими образцами жанра впервые предстает перед читателем и исследовате-

⁴² См.: ИРЛИ, ф. 720, № 5; р. I, оп. 42, № 69. Опул. (с сокращениями) — Ежегодник 2002. С. 341—402.

⁴³ См.: Вацура В. Э. Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 3—56.

лем как единое целое и дает возможность упорядочить ряд текстологических вопросов. Изучение его явных и скрытых смыслов, тематических переключек, реальных признаков переломной эпохи, характерных черт индивидуального стиля — еще впереди.

Альбом Д. С. Левина поступил в Пушкинский Дом в 2002 г. Хранится под шифром: ф. 865, архив Ю. Д. Левина. Поступл. № 34, 2002 г. Размеры: 21×14 см, толщ. 3 см. Количество заполненных листов — 20. Черный кожаный переплет, золотой обрез, белые муаровые авантюлы.

Настоящая публикация включает все записи в порядке их расположения в альбоме. Даты приводятся по старому и новому стилю в соответствии с авторскими вариантами датировки. Орфография, колеблющаяся у разных авторов от старой к новой, унифицирована в соответствии с современными нормами. Заглавие вступительной статьи отсылает к работе Т. А. Кукушкиной «Из литературного быта Петрограда начала 1920-х годов» (см. примеч. 1). В статье отражены литературно-общественные и личные отношения авторов в период работы во «Всемирной литературе» (преимущественно использованы высказывания самих участников альбома). В комментариях к каждой записи приводятся краткие сведения об авторе, далее указываются первые публикации текстов как альбомных инскриптов, затем наиболее значимые перепечатки (как правило, имеющие разночтения). Библиографические данные приводятся с возможной полнотой, включая имена составителей, текстологов, комментаторов и названия издательств. Это особенно важно в тех случаях, когда тексты и комментарии разных изданий дополняют или противоречат друг другу. В заключение поясняются имена упомянутых лиц, а также малоизвестные слова и реалии.

Выражаю благодарность Т. А. Кукушкиной за содействие в архивных разысканиях, Е. И. Овчинниковой и А. Е. Гавриленко за помощь в подготовке рукописи.

1. Н. О. ЛЕРНЕР

Я открываю Ваш альбом,
Любезнейший товарищ Левин,
Моим хромающим стихом
(Ведь Левин в критике не гневен?).
Желаю Вам еще сто лет

Командовать конторой нашей,¹
Есть каждый день мясной обед
И поскорее стать папашей.²
Пусть Вас всегда спасает рок
От всякой клеветы злодейской
И полный Вам пошлет паек
Красноармейский.³

Н. Лернер
Петербург
7/20 ноября 1919.

Лернер Николай Осипович (псевдонимы — Н. Л., Ст. Ч., Телье В.; 1877—1934) — историк литературы, пушкинист. Библиограф «Всемирной литературы».

Опубл.: *Левин Ю. Д.* Поэты о дровах // Прометей: Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». М.: Молодая гвардия, 1967. Т. 4. С. 416 (далее — Прометей 1967).

¹ *Командовать конторой нашей.* Д. С. Левин был сотрудником хозяйственно-технического отдела «Всемирной литературы» с 1919 по 1923 г. (см. вступ. статью, с. 759).

² *И поскорее стать папашей.* 11 февраля 1920 г. у Д. С. Левина родился сын Ю. Д. Левин (1920—2006), впоследствии ученый-филолог, сотрудник ИРЛИ (ПД) РАН (см. о нем вступ. статью, с. 761).

³ *Паек красноармейский.* В послереволюционные годы военным выдавался паек высшей категории, дававший возможность иногда (отнюдь не «каждый день») есть «мясной обед». Интеллигенция же в течении нескольких лет относилась к последней, самой низкой категории, получавший «общегражданский», или «голодный паек».

2. Н. С. ГУМИЛЕВ

Левин, Левин, ты суров,
Мы без дров,¹
Ты ж высчитываешь триста
Мерзких ленинских рублей²
С каталей³
Виртуозней даже Листа.
В пятисотенный альбом
Я влеком
И пишу строфой Ронсара,⁴
Но у бледных губ моих
Стынет стих
Серебристой стружкой пара.
Ах, надежда всё жива
На дрова

От финляндцев иль от чукчей,
А при градусах пяти,
Уж прости,
Сочинять нельзя мне лучше.

Н. Гумилев

20/XI 1919

Гумилев Николай Степанович (1886—1921) — поэт, прозаик, драматург, критик. Член Коллегии экспертов «Всемирной литературы», заведовал изданием французской литературы совместно с А. Я. Левинсоном.

Опубл.: 1. *Гумилев Н. С.* Неизданное и несобранное / Сост., ред., коммент. М. Баскер и Ш. Греем; Худ. А. Ракузин. Paris: YMCA-Press, 1986. С. 23, по неопубликованной машинописи альманаха Прометей 1967 с искаженной четвертой строкой: «Обесцененных рублей», с ошибочной датой: «До ноября 1919», примечанием: «Текст предоставлен нам анонимным русским собирателем» и информацией о том, что «это шуточное стихотворение находится в альбоме Д. С. Левина (1891—1928)» (С. 215). Там же опубликовано стихотворение Гумилева из альбома Р. В. Руры («О дева Роза, я в оковах, / Я двадцать тысяч задолжал...») со ссылкой на того же анонимного собирателя. 2. *Гумилев Н.* Соч.: В 3 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы / Вступ. статья, сост., примеч. Н. А. Богомолова. М.: Худож. лит.-ра, 1991. С. 467, с той же искаженной строкой. 3. *Левин Ю. Д.* Николай Гумилев и Федор Сологуб о дровах // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1996. Т. 50. С. 647, по автографу альбома Д. С. Левина (далее — Труды 1996). 4. *Блок А.* Полн. собр. соч.: В 20 т. М., 1999. Т. 5. С. 485, с искаженной четвертой строкой (далее — Блок 1999). 5. Чукоккала: Рукописный альманах Корнея Чуковского / Сост., подгот. текста и примеч. Е. Чуковской. М.: Премьера, 1999. С. 117, в комментарии Е. Ц. Чуковской, по тексту Трудов 1996 (далее — Чукоккала 1999). 6. *Гумилев Н. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 4: Стихотворения. Поэмы (1918—1921) / Отв. ред. Ю. В. Зобнин. М.: Воскресенье, 2001. С. 79, по тексту Трудов 1996. Было включено в рукопись статьи Ю. Д. Левина «Поэты о дровах» (РГБ, ф. 620, карт. 66, ед. хр. 81), но в печатном тексте статьи не появилось.

Стихотворение положило начало шуточной полемике между Гумилевым, Блоком и Чуковским, в которую вошли, помимо альбомных, еще три стихотворения тех же авторов. Чуковский ошибочно приписал первенство в «дровяной теме» Блоку. Второе стихотворение Гумилева на ту же тему — «Ответ» («Чуковский, ты не прав, обрушась на поленья...») (см. вступ. статью, с. 765).

¹ *Левин, Левин, ты суров, / Мы без дров.* 21 нояб. 1919 г. К. И. Чуковский записал в своем дневнике, что Д. С. Левин «снабдил Блока дровами, всех остальных обманул. Но и Блок и обманутые чувствуют какую-то надежду — авось придет еще дров» (*Чуковский К.* Дневник. 1901—1929 / Подгот. текста, коммент. Е. Ц. Чуковской; Вступ. статья В. А. Каверина. М.: Сов. писатель, 1991. С. 128; далее — Дневник).

² *Мерзких ленинских рублей* — см. вступ. статью, с. 769. История изменений этой строки и публикации стихотворения суммирована в статье: *Климова Д. М.* Стихи из «дровяного» альбома // Гумилевские чтения: Материалы международной научной конференции. СПб., 2006. С. 293—300.

³ *Катали* — грузчики.

⁴ *И пишу строфой Ронсара.* Творчество французского поэта Пьера де Ронсара (1524—1585) характерно разнообразием форм. Наиболее известная «ронсаровская строфа» с рифмой *aabccb* использована им, например, в стихотворении «Мой боярышник лесной...» (перевод В. В. Левика):

Мой боярышник лесной,
Ты весной
У реки расцвел студеной,
Будто сотней цепких рук
Весь вокруг
Виноградом оплетенный.

Точное следование формальным особенностям оригинала — основной принцип переводческой деятельности Гумилева.

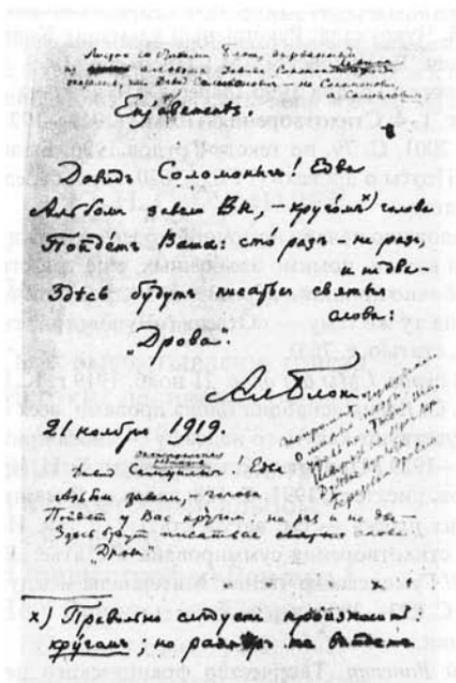
З. А. А. БЛОК

Enjambements¹

Давид Самуилович! Едва
Альбом завели — голова
Пойдет у Вас кругом: не раз и не два
Здесь будут писаться слова:
«Дрова».

Ал. Блок

21.XI. 1919.

Листок, вырванный А. А. Блоком
из альбома Д. С. Левина

Enjambements

Давид Соломоныч! Едва
Альбом завели Вы — кругом* голова²
Пойдет Ваша: сто раз — не раз и не два —
Здесь будут писаться святые слова:
«Дрова».

Ал. Блок

21.XI. 1919.

* Правильно следует произносить кругом, но размер не выйдет.

Блок Александр Александрович (1880—1921) — поэт, драматург, публицист. Член Коллегии экспертов «Всемирной литературы», заведовал изданием немецкой литературы совместно с Ф. Д. Батюшковым и Ф. А. Брауном.

Опубл.: 1. *Блок А.* Собр. соч.: В 12 т. / Примеч. Вл. Орлова. Л.: Изд-во Писателей в Ленинграде, 1932—1936. Т. 12. 1936. С. 280, с примеч.: «Печатается впервые по списку, сообщенному частным лицом» (с. 301). 2. *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 3: Стихотворения и поэмы. 1907—1921 / Общая ред. В. Н. Орлова, А. А. Суркова, К. И. Чуковского; Подгот. текста и примеч. Вл. Орлова. М.; Л.: ГИХЛ, 1960. С. 426, с ошибочным указанием, что ответное стихотворение К. И. Чуковского «Мое гражданское негодование...» якобы записано «в том же альбоме Д. С. Левина» (с. 645). 3. Прометей 1967. С. 416, по автографу в альбоме Д. С. Левина, с факсимиле. 4. Чукоккала: Рукописный альманах К. И. Чуковского / Предисл. И. Андроникова; Комментар. К. И. Чуковского. М.: Искусство, 1979. С. 216 (далее — Чукоккала 1979), две редакции, с факсимиле вклеенного в Чукоккалу листка, вырванного Блоком из альбома Д. С. Левина, где первоначальная редакция — автограф Блока, окончательная редакция — рукой Чуковского (?) с вариантом строки 4: «Здесь будут писаться [святые] слова». Чуковским также вписан заголовок «Окончательная редакция» и исправлена орфографическая ошибка в заглавии «Enjambements». 5. Блок 1999. С. 85, окончательная редакция. С. 278, первоначальная редакция, по тексту Чукоккалы 1979.

На листке, вклеенном в Чукоккалу, — приписка Чуковского: «Листок со стихами Блока, вырванный из альбома Давида Соломоновича Левина, когда оказалось, что Давид Соломонович — не Соломонович, а Самойлович». На полях записан «Экспромт Чуковского» (первоначальный вариант первой строфы его альбомной записи).

Стихотворение продолжает тему дров, начатую в альбоме Гумилевым и вызвавшую внеальбомный отклик Чуковского «Мое гражданское негодование при чтении стихов Блока и Гумилева, посвященных дровянику Давиду Самойловичу Левину» («За жалкие корявые поленья...»), на который Блок в свою очередь ответил: «Чуковскому» («Нет, клянусь, довольно Роза...») (см. вступ. статью, с. 766).

¹ *Enjambements* (франц., букв.: переносы) — литературоведческий термин, обозначающий несовпадение метрического и синтаксического членения стихов.

² *Кругом голова*. В дневнике Блока записано замечание, сделанное ему А. М. Ремизовым по другому поводу: «Голова идет кругом, а не кругом» (цит. по: Блок 1999. С. 485).

4. К. И. ЧУКОВСКИЙ

О Розе (Васильевне)¹

(По прочтении стихов Гумилева и Блока,
написанных в этом альбоме)

О, милые поэты!
Ужель не стыдно вам
Фабриковать куплеты
И оды, и сонеты
Берёзовым дровам?

А я, презревши прозу, —
Подобно соловью —
Не жалкую берёзу,
Но сладостную Розу
Влюбленно воспою.

Царица благовоний,
О, Роза без шипов!
К тебе и Блок, и Кони,²
И Браун,³ и Гидони,⁴
И я, и Гумилёв,

И Горький, и Волынский,
И пламенный Оцуп,⁵
И Гржебин,⁶ и Лозинский,⁷
И даже Сологуб —

Мы все к тебе толпою
Летим, как мотыльки,
Открывши пред тобою
Сердца и кошельки.

Твоё благоуханье
Кого не приманит?
И кто из заседанья
К тебе не прибежит?

О, этот дивный запах
Его забуду ль я?
В его нежнейших лапах
Досель душа моя.

То запах керосина
И мыла, и колбас,
В том запахе свинина
С селедкой слилась!

То запах шоколада,
Грибов и папирос —
Вот нынешнего сада
Сладчайшая из роз!

Примечание: Роза Васильевна — Наркомпрод Вселита.

К. Чуковский
Декабрь
1919.

Первоначальный вариант первой строфы

Экспромт Чуковского

О милые поэты!
Ужель не стыдно вам
Швырять на берег Леты
Дубовые куплеты
Березовым дровам?

Чуковский Корней Иванович (настоящее имя — Корнейчуков Николай Васильевич; 1882—1969) — критик, литературовед, переводчик, детский поэт. Член Коллегии экспертов «Всемирной литературы», заведовал изданием англо-американской литературы совместно с Е. И. Замятиным.

Опубл.: 1. Прометей 1967. С. 417, без заглавия и авторского примечания, с факсимиле. 2. Чукоккала 1979. С. 222, строфы 3—6 с вариантами. С. 216, первоначальный вариант первой строфы («Экспромт Чуковского»), факсимиле. 3. Чукоккала 1999. С. 119, факсимиле, строфы 1—2 зачеркнуты, строфы 7—9 отсутствуют, под заглавием «О Розе», с авторскими примечаниями, в комментарии Е. Ц. Чуковской приведены строфы 7—9 по рукописи статьи Ю. Д. Левина «Поэты о дровах» из архива Чуковского. 4. Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 392 (далее — Ежегодник 2002), строфы 3—6 (без деления на строфы), с вариантами, по альбому Р. В. Руры.

В Чукоккале 1999 примечания автора: к заглавию — «Васильевне. Роза Васильевна — Наркомпрод Вселита», к фамилии Оцупа — «Некоторые ученые утверждают, что ОЦУП не человек, а учреждение, коего наименование таково: Общество Целесообразного Употребление Пищи, но мы полагаем, что это Ник. Авд. Оцуп (1900—1979), небезызвестный в то время поэт, автор „Огорода“».

Датируется 8—11 декабря на следующих основаниях: написано в ответ на стихотворение Блока «Чуковскому» («Нет, клянусь, довольно Роза / Истошала кошелек...»), полученное 8 декабря 1919 г., в свою очередь вызвало на страницах альбома отклик Оцупа 11 декабря. Расположение текста в альбоме до записи Волынского от 4 декабря вызвало ошибочное предположение Ю. Д. Левина, что стихотворение Чуковского написано раньше блоковского (см. вступ. статью, с. 769).

Альбомная запись Чуковского завершает стихотворную полемику между Гумилевым, Блоком и Чуковским (см. вступ. статью, с. 762—769).

¹ *О Розе (Васильевне)*. Рура Розалия Васильевна — буфетчица издательства «Всемирная литература», владелица альбома с автографами сотрудников (см. о ней вступ. статью, с. 767).

² *Копи Анатолий Федорович* (1844—1927) — юрист, литератор. В 1920-х гг. читал курсы лекций в различных петроградских учреждениях вместе с сотрудниками «Всемирной литературы».

³ *Браун Федор Александрович* (1862—1942) — филолог-германист, профессор Петербургского университета. Член Коллегии экспертов «Всемирной литературы», заведовал изданием немецкой литературы совместно с А. А. Блоком и Ф. Д. Батюшковым. В альбоме Р. В. Руры вариант: «И Лернер и Гидони».

⁴ *Гидони Григорий Иосифович* (1895—1937 или 1942) — драматург, переводчик, искусствовед, художник. Во «Всемирной литературе» был переводчиком и художником.

⁵ *Пламенный Оцуп* — по предположению Т. А. Кукушкиной, намек на деятельность Н. А. Оцупа на посту председателя хозяйственного комитета «Всемирной литературы» (см.: Ежегодник 2002. С. 347).

⁶ *Гржебин Зиновий Исаевич* (1860—1929) — художник, издатель. Заведующий издательской частью «Всемирной литературы», член издательской группы, возглавлявшейся Горьким. В альбоме Р. В. Руры вариант: «И Ганзен и Лозинский».

⁷ *Лозинский Михаил Леонидович* (1886—1955) — поэт, переводчик. Член Коллегии экспертов и Поэтической коллегии «Всемирной литературы». В издательстве работал и его брат Григорий Леонидович (1889—1942) — переводчик, исследователь итальянской и португальской литературы, член Коллегии экспертов и Поэтической коллегии, заведовал изданием португальской литературы. Один из братьев Лозинских заведовал испанским отделом (см.: Чукоккала 1979. С. 205).

5. Ю. П. АННЕНКОВ

Ю. Анненков
Зима 1919—1920.
Петербург

Анненков Юрий Павлович (псевдоним — Борис Темирязов; 1889—1974) — художник, режиссер, писатель, мемуарист. Иллюстратор книг «Всемирной литературы», автор ее издательской марки с изображением Пегаса.

Опубл.: 1. *Анненков Ю.* Портреты. Пб [Пг.], 1922. С. 23, с ошибочной датой в перечне работ: 1920. 2. Прометей 1967. С. 418, по оригиналу в альбоме Д. С. Левина. 3. Чукоккала 1979. С. 216, по книге Анненкова «Портреты».

Датируется 1—4 декабря 1919 г. по расположению в альбоме перед записью Волынского от 4 декабря 1919 г.

Автошарж навеян, по-видимому, предыдущими записями Гумилева, Блока и Чуковского.

6. АКИМ ВОЛЫНСКИЙ

Я не мастер парадокса и афоризма. Мысль моя развивается плотными массами, на длинном пути логики.¹ Тем не менее я с удовольствием вписываю немногие строки в альбом ради дружеских чувств к Вам.

А. Волынский

4 Декабря 1919

Волынский Аким (настоящее имя — Флексер Хаим Лейбович или Аким Львович; 1863—1926) — критик, искусствовед. Член Коллегии экспертов «Всемирной литературы», был ее председателем, заведовал изданием итальянской литературы.

Публикуется впервые.

¹ *Мысль моя развивается плотными массами, на длинном пути логики.* По воспоминаниям сотрудников «Всемирной литературы», Волынский отличался способностью развигивать разнообразные темы в несколько витиеватом и тяжеловесном стиле (см. вступ. статью, с. 775).

7. Н. А. ОЦУП

«Не раз и не два
Здесь будут писаться слова
Дрова».

А. Блок

Пророчески поэта
Сбываются слова:
Пылает книжка эта,
Пылают в ней дрова.

Стихи ли деревянные
И печка — Ваш альбом, —
Всё освещают в нем
Дрова — предмет желанный:

Ах, если бы наружу
Из песен их извлечь,
Развеять эту стужу
И эту печь зажечь.

Увы! Они бесплотны —
Дрова горючих строф —
Вы первый раз бесплодны,
И Блок и Гумилев.

И хоть поёт Чуковский
О пламени моем,¹ —
И мой удел таковский:
Не греем мы, — поем!

Но если б эти* строки
Сменять на сажен пять,
Мы пламя в нашем блоке**
Сумеет поддержать!

Ник. Оцуп

11/XII. 19 г.

* Конечно, не только эти, но и предыдущие — все согласятся.

** Если писать с большой буквы Блок, то пять сажен понадобится для пылания одного Александра Александровича, — а для блока всех дровопевцев неизмеримо больше. Поддерживайте всех поэтов, тов. Левин!

Оцуп Николай Авдиевич (1894—1958) — поэт, литературовед, мемуарист. Председатель Хозяйственного комитета «Всемирной литературы».

Опубл.: Прометей 1967. С. 418—419.

Эпиграф отсылает к альбомному стихотворению Блока.

¹ *И хоть поет Чуковский / О пламени моем* — ср. в стихотворении Чуковского строку «И пламенный Оцуп» и комментарий к ней.

8. Ф. СОЛОГУБ

Не надо дров — без них горишь
От лихорадки и от холода.
Уехать бы скорей в Париж,¹
Где бодро, весело и молодо.

И без пайка по горло сыт
Порядками красноармейскими.
Душа моя в Париж летит
С его полями Елисейскими.

Ах, Елисейские поля!
Как счастливы на них идущие!
Легка, легка для них земля,
Дни забываются гнетущие.

Федор Сологуб

16 декабря 1919 г.

Сологуб Федор (настоящее имя — Тетерников Федор Кузьмич; 1863—1927) — поэт, прозаик, драматург. Член редакционной комиссии «Всемирной литературы».

Опубл.: Труды 1996. С. 648.

¹ *Уехать бы скорей в Париж* и т. д. В это время Сологуб добивался разрешения на выезд во Францию (см. вступ. статью, с. 774).

9. А. В. АМФИТЕАТРОВ

Как прочитал
Я Ваш альбом,
Печален стал,
Нахмурясь лбом:
О, русский стих!
Увял и стих
Твой звонкий цвет:
Что ни поэт, —
Увы и ах! —
Всё о дровах!..
Черед за мной:
Как стихотвор
Имею честь
Полено вносить
В сей дровяной
Обширный двор:
«Если есть дрова,
Всё мне трын-трава!
Печка топится,
Мысль торопится.
Если ж нету дров,

Я брожу, суров, —
Почва стылая,
Мысль постылая,
Скука нудная,
Тьма паскудная...
Затопил я печь
„Красным знаменем“,¹
Чтоб картошку печь
Слабым пламенем.
Где ж бывалых дней
Мощь — величество,
Гордый блеск огней
Электричества?
Не воротишь ты
Сказок розовых!
Даже нет мечты
О березовых:
Дал бы Бог в огонь
Кол осиновый...
Хоть бы лампы вонь
Керосиновой!».

Ал. Амфитеатров

1919. XII. 21.

Петроград

Амфитеатров Александр Валентинович (псевдонимы — Амфи, Spiritus familiaris, old Gentelman, Абадонна и др.; 1862—1938) — прозаик, публицист, критик, драматург. Опул.: Прометей 1967. С. 419.

¹ *Затопил я печь* / «Красным знаменем». Амфитеатров в течение нескольких лет начиная с 1905 г. издавал в Париже оппозиционный журнал «Красное знамя».

10. Е. И. ЗАМЯТИН

Снег

Всю ночь — снег с неба. К утру — земля вылечится. К утру из насквозь процелованной — снова станет застенчивой синеглазкой с длинной косой, и всё — удивленное, новое, всё сначала: только дожить до утра.

Утро. Синий снег — весь изляпан сапожищами.

Евг. Замятин

2 — I — 1920. СП.

Замятин Евгений Иванович (1884—1937) — прозаик, драматург, публицист. Член Коллегии экспертов «Всемирной литературы», был ее председателем, заведовал изданием англо-американской литературы совместно с К. И. Чуковским.

Публикуется впервые.

11. М. А. КУЗМИН

Я не любим «литературой»,¹
Не раз я это замечал:
Ни жалованьем, ни натурой
Я милостей не получал.
Без топлива терпел морозы,
Без света был немыт, небрит,
И даже у почтенной Розы
Имел лишь маленький кредит.
Рок пасынка — не однодневен,
Всегда он — не наследник, зверь.
Быть может, Вы, товарищ Левин,
Поможете открыть мне дверь.
Стыдиться ли прямого слова?
Я был бы бесконечно рад
Из переводчика простого
Зачислиться в почетный штат.

М. Кузмин
2 февраля 1920

Кузмин Михаил Алексеевич (1872—1936) — поэт, прозаик, критик, переводчик.
Опубл.: Прометей 1967. С. 420.

¹ *Я не любим «литературой»* и т. д. Кузмин был недоволен отношением к нему коллектива «Всемирной литературы» (см. вступ. статью, с. 775).

12. В. А. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Дав. Сам.! Здесь все пишут «о дровах».
Вы позволите и мне «о тепле»?

Утро

Свежеет смятая подушка,
Лежу, не открывая глаз.
Но деревянная кукушка
Прокуковала восемь раз.

Из-за стеклянной двери зала
Пылится деревенский день...
Натягиваю одеяло —
Такая солнечная лень!
Да как уснешь? Навстречу блеску
Ресницы тянутся давно.
И ситцевую занавеску
Кольшет свежее окно.
А в колокольное гуденье
Вплетает тоньше и нежней
Пылающее воскресенье
Шуршанье золотых полей.

Всеволод Рождественский
3 июля 1920

Рождественский Всеволод Александрович (1895—1977) — поэт, переводчик. Для издания «Всемирной литературы» переводил с английского, французского и других языков. Данная редакция публикуется впервые.

Опубл. в других редакциях: 1. *Рождественский Вс.* Лето. Деревенские ямбы: Стихи 1918 г. Пб., 1921. С. 9, под заглавием «Утро», с вариантами. Отнесено к 1918 г. 2. *Рождественский Вс.* Стихотворения. 1920—1955. Л., 1956. С. 12, под заглавием «Утром», в цикле «Летний день», с теми же вариантами. 3. *Рождественский Вс.* Избранное.: В 2 т. Л., 1974. Т. 1. С. 326, другая редакция, объединено со стихотворением «Купание» как первая часть, под общим заглавием «Утро», с другими вариантами. 4. *Рождественский Вс.* Стихотворения / Сост., подгот. текста, примеч. М. В. и Т. В. Рождественских. Л.: Сов. писатель, 1985. С. 58 («Библиотека поэта», Большая серия).

13. Ф. Д. БАТЮШКОВ

«Человек есть то, что он ест», — сказал Фейербах. Прибавлю: и то, насколько он согрет, обут, одет... Вашим заботам, многоуважаемый Давид Самойлович, мы обязаны тем, что члены редакторской коллегии «Всемирн. Лит.» становятся людьми работоспособными, людьми могущими выявить свои духовные свойства, и не происходящие от «еды», но обусловленные, чтобы обнаружиться, всем необходимым для мало-мальски сносного существования. Великое Вам спасибо.

Ф. Батюшков.
17 февраля 1920 г.

Батюшков Федор Дмитриевич (1857—1920) — историк литературы, критик. Член Коллегии экспертов «Всемирной литературы», заведовал изданием немецкой литературы совместно с А. А. Блоком и Ф. А. Брауном.

Опубл.: Прометей 1967. С. 416.

14. В. К. ШИЛЕЙКО

Истинное слово некрасиво, а красивое слово неистинно. Истинное добро несотворимо, а сотворимое не есть добро. Истинное знание непостижимо, а постижимое не есть знание.

(Дао-дэ-кинг)¹

20 марта 1920

В. Шилейко

Шилейко Владимир Казимирович (1891—1930) — филолог-востоковед, ассириолог, поэт, переводчик. Член Восточной Коллегии «Всемирной литературы».

Публикуется впервые.

¹*Дао-дэ-кинг* (Дао-дэ-цзин, Тао-те-кинг) — древнекитайская книга изречений, составивших философскую систему. Авторство произведения по традиции приписывается Лао-цзы. Запись Шилейко представляет собой самостоятельный перевод заключительной, 81-й главы (см. вступ. статью, с. 777). В библиотеке ИРЛИ имеется экземпляр 2-го изд. книги: Лао-Си. Тао-те-кинг, или Писание о нравственности / Под ред. Л. Н. Толстого; Перевел с китайского профессор университета в Киото Д. П. Конисси; Примечаниями снабдил С. Н. Дурылин. М., 1913, с владельческой надписью Блока: «Александр Блок, Окт. 1913».

15. НЕИЗВЕСТНЫЙ ХУДОЖНИК

1923

Публикуется впервые. Подпись неразборчива.

16. И. К. ПРУТКОВ

Дрова и Революция (Басня)

Игривой Музы убегая плена, —
Зане передо мной
Альбом, по стилю дровяной,¹ —
Вношу и я посильное полено

* * *

Дрова, чью грудь рассек топор,
Затеяли с железной печью спор.
— «Мы — главные, понятно!» —
Скрипели грубые дрова,
Воняя лесом неопратно:
«Без нас была бы ты мертва
И глазу неприятна».
В ответ трубою выла печь:
«У-у! Хамские поленья!
Вы созданы гореть, я — жечь!
Я главенствую без сомненья!»
Но приговор судьбы суров:
Плеснула революции стихия —
Не стало дров,
Лишь зрю в обилии стихи я...
И что ж в стихах?
Буржуйка-печь,
Кичилась ты собой напрасно:
Увы! Не о тебе поэтов речь
Но о дровах единогласно!

Ив. Кузьм. Прутков

Ленинград
12 авг. 25 г.

Прутков Иван Кузьмич (настоящее имя — Жиркевич Борис Владимирович; 1888—1943) — поэт-сатирик.

Опубл.: Прометей 1967. С. 420—421.

¹ *Альбом, по стилю дровяной*. После стихов И. К. Пруткова эпитет «дровяной» прочно закрепился за альбомом Д. С. Левина.

17. А. Д'АКТИЛЬ

Что вижу? Все, чей стих напевен,
Кому дано пленять царевен,
Роняя звонкие слова —
Писали Вам, милейший Левин,
Про (страшно вымолвить!) дрова!

Но хоть рожден земным и грубым,
Я всё же не рискну пойти —
В противоречии сугубом
Всем сладкозвучным Сологубам —
По проторенному пути!

Пусть я — бездарь, пусть я — безличность,
Мне дров не надо... Черта с два!
Я сохраняю поэтичность:
Нет, нет! Гоните мне наличность —
А я уж сам куплю дрова!

А. д'Акtilь

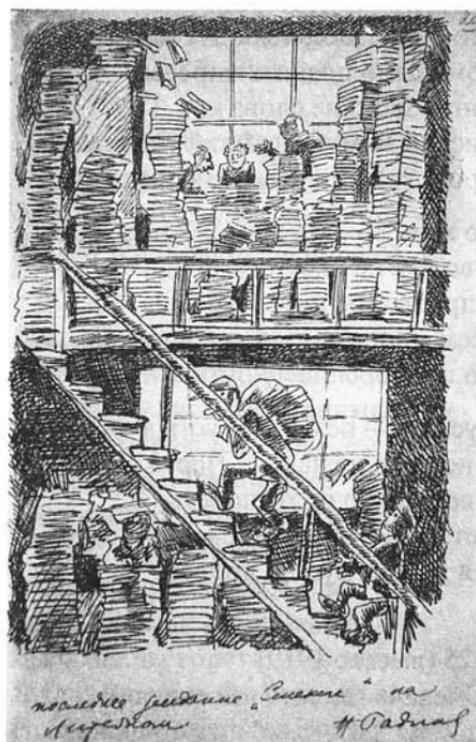
1925 (вместо 1919)

«Смехач» (вместо «Вселита»)¹

д'Акtilь А. (псевдонимы — Желчный поэт, Три А, Поток-Богатырь; настоящее имя — Френкель Анатолий Адольфович; 1890—1942) — поэт, переводчик.

Опубл.: Прометей 1967. С. 421, без даты.

¹ 1925 (вместо 1919) «Смехач» (вместо «Вселита»). По свидетельству Ю. Д. Левина, с 1923 г. Д. С. Левин возглавлял издательство «Гудок», при котором выходил журнал «Смехач» (см.: Прометей 1967. С. 420).

Последнее заседание «Смехача» на Литейном.¹

Н. Радлов

Радлов Николай Эрнестович (1889—1942) — художник-график.

Опубл.: Прометей 1967. С. 421.

В верхней части рисунка изображены Н. Э. Радлов, д'Актьиль и карикатурист Б. И. Антоновский (указано Ю. Д. Левиным: Прометей 1967. С. 421).

¹ *Последнее заседание «Смехача» на Литейном.* Редакция журнала «Смехач» располагалась на Литейном проспекте (тогда просп. Володарского), д. 53-а, до сентября 1925 г., затем переехала на Невский (тогда просп. 25 Октября), д. 88.